

Тамразова И.Г. ©

Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»
Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В ДИАЛЕКТИКЕ И ЛОГИКЕ. ОБОСНОВАНИЕ ЭРИСТИЧЕСКОЙ ЭВРИСТИКИ

Аннотация

В статье рассматривается эристика как составляющая софистического метода познания, которая должна была учить умению убеждать других в правильности высказываемых взглядов и соответственно умению склонять человека к тому поведению, которое представляется нужным и целесообразным. Значение и пафос эристического метода заключается в его демократическом диалектизме, когда истина заранее не известна, а может достигаться в процессе диалога, борьбы мнений.

Ключевые слова: диалектика, эристическая речь, эристическое речевое взаимодействие, полемический диалог.

Keywords: dialectics, eristic speech, eristic verbal interaction, polemical dialogue.

«Объективист» Аристотель отмечал, что «можно уничтожить силлогизм или построить противоположный силлогизм, или сделать возражение. Возражение заимствуется из понятия, противоположного данному, например, в том случае, если составлена энтимема, что хороший человек благодетельствует всем своим друзьям; можно возразить, что и дурной человек не делает зла своим друзьям. Возражение заимствуется из понятия подобного, например, в том случае, если составлена энтимема, что люди, которым сделали зло, всегда полны ненависти; на это можно возразить, что люди, которым сделали

Таким образом, объективная логическая диалектика предполагает опровержение, т.е. диалог. Однако, с точки зрения риторической этики, способы доказательства и опровержения по-разному характеризуют тип (механизм) эристического речевого взаимодействия (полемике). Аристотель, описывая возможность и необходимость опровержения («уничтожения») силлогизмов в ораторике (судебная речь), подчеркивает различие между диалектикой и софистикой: «... случаются вещи противно правдоподобному, так что неправдоподобное делается правдоподобным. Если это так, то неправдоподобное станет правдоподобным, но не безотносительно: как в речах софистического характера опущение предмета, о котором идет речь, цели и образа действий производит обман, так и здесь ложное заключение получается вследствие того, что правдоподобное здесь есть правдоподобное не абсолютно, а относительно. То же бывает и в других случаях: человек необходимо всегда или причастен, или не причастен обвинению, и то, и другое кажется правдоподобным, причем первое правдоподобно безотносительно, а второе небезотносительно, а так, как мы сказали выше. Это и есть то, что называется черное делать белым. Вследствие этого люди по справедливости порицали профессию Протагора: она представляет собой ложь и не истинно правдоподобное, а кажущееся таковым, которое нельзя найти ни в одном искусстве, кроме риторики и софики» [1, 122].

Итак, истоки эристической (полемической) речи заложены в объективно существующей возможности отрицания пропозиции высказывания путем доказательного опровержения (контраргументации). Однако если логическая диалектика предполагает опровержение аргументированное («правдоподобно безотносительно»), то софистическая эристика основана на субъективной составляющей (модусе) пропозиции (силлогизма).

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «факт — наследник и представитель не любой пропозиции, а только верифицированной и получившей оценку «истинно». Из этого ограничения проистекают основные семантические различия между суждениями и фактами. Эти различия выявляют себя в экстенционале имени *факт*. Последний образуется теми пропозициями, которые это имя может замещать или вводить. Истинность замещаемой именем *факт* пропозиции предполагает ее верифицированность. Верификация может быть осуществлена, только если есть возможность сопоставить утверждение с действительностью. Такая возможность предоставляется тогда, когда речь идет об актуальном положении дел или о совершившихся событиях... Но даже в тех случаях, когда речь идет о существующем положении дел или уже известном событии, пропозиция не всегда может быть верифицирована. Верификации препятствуют идущие от говорящего субъекта субъективные оценки и эмотивные коннотации. «Факт» требует, чтобы вещи были названы своими именами. Он стремится избавиться от *res sentiens* 'чувствующего субъекта'. Соответствующее факту суждение порождено *res cogitans*, человеком, освободившимся от того человеческого, что не чуждо всякому человеку. Рамка *тот факт, что...* требует нейтральной лексики, отвечающей условию «прозрачности». Если требование прозрачности не соблюдено, то говорят об искажении фактов, в чем обычно упрекают друг друга полемисты» [2, 158].

В отличие от философии естественного языка, совсем с другой стороны к проблеме смысла и доказательства подошла философия в ее феноменологическом варианте, где во главу угла была поставлена *личность, осмысливающая мир, понимающая и делающая свой смысловой выбор*. Основоположник феноменологии Э. Гуссерль определяет смысл как актуальную ценность, значимость предмета для субъекта [3, 383-389]. Отсюда следует, что смыслы функциональны: предмет, поступок, действие, высказывание приобретают смысл в рамках целого - жизненной ситуации и шире - жизнедеятельности человека, если это оказывается значимым для ее самосохранения, развития [4].

В работах современных отечественных философов, например, [5,6], рассматривается проблема синтеза смысла при создании и понимании дискурса. Автор считает в основе определения смысла лежат такие понятия как ценность и значимость как важнейшие признаки смыслообразования.

С.А.Васильев различает предметный смысл и текстовый. Предметный смысл связывается им с механизмом вычленения, осознания предметов реальной действительности. В связи с этим основу смысла, по мнению автора, составляет способность устанавливать тождество и различие. «Вещи неразличимы, если имеют для человека равный смысл, как неразличимы штампованные экземпляры одной и той же детали» [5, 96].

Таким образом, предметная объективация человеческого опыта в виде знания о данном предмете является лишь одной из составляющих смысла. Она, по мнению автора, образует лишь наиболее общую составляющую смысла, интерсубъектную по своему источнику, имеющую общечеловеческую ценность. Помимо этого смысл содержит и такие компоненты, которые выражают жизненные установки ее носителей, их особые отношения к предметному миру.

Анализируя данную точку зрения, А.И. Новиков отмечает: «Эти две составляющие смысла лежат в основе межиндивидуального общения, а потому откладываются в их сознании и фиксируются как устойчивые, повторяющиеся компоненты, постоянно воспроизводимые в речи. Кроме того, в состав смысла входит индивидуальный опыт, глубоко личностные отношения индивида к предмету и возникающие отсюда ожидания, привязанности, эмоции, памятные ассоциации, которые выделяют данный предмет из множества похожих на него. Все это составляет, по терминологии автора, «смысл-ценность», который имеет отношение не только к предметному миру, но реализуется и на уровне текста, составляя один из его смысловых уровней. Другой уровень текста составляет «смысл-сообщение» т.е. то, что хотел сказать автор... Заключенный в тексте «смысл-сообщение» является специфическим свойством, отличающим его от всех прочих предметов, которые

текстами не являются, а «смысл-ценность», который текст приобретает вследствие включенности его в систему жизнедеятельности человеческого общества, наоборот, сближает его с другими предметами, делает его элементом того предметного универсума, в котором разворачивается вся человеческая жизнь» [6].

Как указывает Р.И. Павилёнис, "язык может использоваться и используется для социализации «картин мира», содержащихся в индивидуальных концептуальных системах, для приближения их к «картине», разделяемой членами языкового сообщества и отвечающей их ориентационным и экзистенциальным (физическим, духовным, технологическим, этическим, эстетическим и др.) потребностям в мире. Благодаря этой, предоставляемой языком возможности перехода от индивидуального, субъективного, к intersубъективному и в этом смысле объективному (то есть к intersубъективно проводимым различиям, артикуляциям мира посредством общего кода) можно рассматривать усвоение правильного употребления языковых выражений как усвоение соответствующих различий (классификаций) в мире — как предпосылку социальной коммуникации носителей языка. Однако тут же необходимо подчеркнуть, что один и тот же язык с тем же успехом может использоваться и используется для построения и символической репрезентации различных «картин мира» и тем самым может содействовать отдалению концептуальных систем друг от друга и усложнению их коммуникации. Это вытекает из самого статуса языка: сам по себе язык является не концептуальной системой, а средством строения и символической репрезентации различных концептуальных систем и содержащейся в них разнообразной информации" [7, 386].

Итак, смысл аксиологичен, и его оценка осуществляется в интеракционном — деятельностном и речевом — взаимодействии «здесь и сейчас». Опора на объективность (аргументативность) факта противостоит субъективности суждения (пропозициональности), разворачиваемого в полемическом диалоге.

Таким образом, основа противопоставления диалектической и софистической эристики лежит в области дискурса, как с точки зрения его означаемого — «истинно / ложно», так и с точки зрения его означающего (форме суждения) — «опора на результат (факт) / опора на процесс формулирования (пропозиция)».

Однако сам эристический метод предполагает диалектическое взаимодействие логического и алогического в достижении эффективности речевого воздействия. Такое взаимодействие часто перерастает в конфликт. Н.Д. Арутюнова пишет: «Факты не терпят прибавок и привнесений... факт противостоит фантазии, «кривому зеркалу». Эмансипировавшись от эмоций говорящего, предложение, чтобы стать констатацией факта, должно исторгнуть из себя все, что проистекает от субъективного модуса. Предложение *Наши простопыля женился на этой «штучке»*, если оно претендует на констатацию факта, должно быть переформулировано как *Иван женился на Изольде*». Против такой информации не может быть выдвинуто возражение» [2, 158].

Подчеркивая взаимосвязь логической аргументации в искусстве красноречия с эмоциональностью и волевым воздействием, А.Д. Урсул отмечает: «Разве не возможно, что риторика совершенно серьезно рассматривалась бы, как особая логика, более властная по силе убеждения? Такая “логика” действует не только на интеллектуальную сторону человека, но главным образом на чувства и волю» [8, 162–163].

В современной философии постмодернизма закладываются основы для формирования новой диалогической традиции в философии, связанной, прежде всего, с концепцией К.-О. Апеля, анализирующего язык не в герменевтических процедурах, протекавших в рамках субъект-объектных отношений, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций, которые в принципе "не могут быть сведены к языковой передаче информации", но являются "одновременно процессом достижения согласия" (К.- О. Апель), Язык выступает в этом контексте не только механизмом объективации и средством экспрессии, но, в первую очередь, медиатором понимания в процессе языковых игр. И если трактовка языковых игр Л. Витгенштейном делала акцент на взаимодействии между

субъектом и текстом, а концепция языковых игр Я.Ю. Хинтикки - на взаимодействии между "Я" и реальностью как двумя игроками в игре, то К.-О. Апеля трактует языковую игру как субъект-субъектное общение, участники которого являют друг для друга текст - как вербальный так и невербальный. Это задает особую артикуляцию понимания как взаимопонимания. Апелевская версия постмодернистской парадигмы смягчает примат "судьбоносного означающего над означаемым" (Ж. Лакан), восстанавливая в правах классическую для философской герменевтики презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста, выступающего у К.-О. Апеля презентацией содержания коммуникативной программы партнера. Объективируясь в качестве текста, последняя не подлежит произвольному означиванию и, допуская определенный (обогащающий игру) плюрализм своего прочтения, тем не менее предполагает аутентичную трансляцию семантики речевого поведения субъекта в сознание Другого, который вне этой реконструкции смысла обращенного к нему текста не конституируется как игровой и коммуникативный партнер.

Таким образом, оформление пост-постмодернистской парадигмы трактовки коммуникативных стратегий может быть рассмотрено как реализующее себя под знаком возрождения аксиологической доминанты межличностного взаимопонимания.

Литература

1. Аристотель. Риторика [Текст] / Аристотель // Античные риторика. Ред. А.А. Тахо-Годи [Текст]. - М.: Изд-во МГУ, 1978.- С. 15-164.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова – М.: Наука, 1988.- 314с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.- 752с.
4. Чупина, Г.А. [Текст] / Г.А. Чупина // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века.- Материалы межрегион. науч. конференции. - Иваново, 1994. – 203с.
5. Васильев, С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста [Текст] / С. А. Васильев. - Киев : Наук. думка, 1988. - 237 с.
6. Новиков, А. И. Текст и его смысловые доминанты [Текст] / А. И. Новиков. - Под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой.- М.: Институт языкознания РАН, 2007. - 224 с.
7. Павлиёнис, Р.И. Понимание речи и философия языка [Текст] / Р.И. Павлиёнис // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. - М.: Прогресс, 1986.- С. 374-388.
8. Урсул, А. Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы [Текст] / А. Д. Урсул. - М.: Наука , 1981 - 367 с.